

Интервью Святейшего Патриарха Кирилла корреспондентам болгарских СМИ

В преддверии визита в Болгарию Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл ответил на вопросы болгарских журналистов, представляющих газету «Труд», Болгарское национальное телевидение и Болгарское национальное радио.

— Ваше Святейшество, с каким посланием к болгарскому народу Вы едете в Болгарию?

— С тем же посланием, с которым патриархи обычно приезжают в Болгарию, и примерно с тем же, с каким болгарские патриархи приезжают в Россию. Русская и Болгарская Церкви имеют очень долгую историю братских отношений. Именно потому, что наши народы в большинстве своем православные, из-за того, что наши народы имеют много общего в культуре и даже языке, Болгария всегда воспринималась в России как братская страна. История убедительно подтверждает этот тезис. Я приеду в связи с празднованием 140-летия освобождения Болгарии, и мне хотелось бы сказать, что именно Русская Церковь, совершая молебны почти во всех храмах России за страждущий болгарский народ, сформировала общественное мнение, которое повлияло на принятие политических решений относительно участия России в военных действиях на Балканах. Трудно сказать, было ли готово тогдашнее российское правительство к тому, чтобы без поддержки снизу, без общенародной поддержки пойти на такие жертвы. Десятки тысяч погибли, десятки тысяч были искалечены, лишились здоровья, и эта жертва была объяснена самым главным и сильным аргументом — мы отдаем жизнь за наших единоверных братьев. Как бы ни складывалась политическая конъюнктура, — а она складывается по-разному, как по-разному складывались политические отношения России и Болгарии, — отношения между Русской и Болгарской Церквями всегда были и остаются братскими и самыми теплыми. Достаточно сказать, что когда возникла так называемая болгаро-греческая схизма и Болгарская Церковь не признавалась в семье Поместных Православных Церквей, то в 1945 году решающим стал голос Русской Православной Церкви в защиту Болгарской Церкви, который и привел в конце концов к признанию автокефалии Болгарской Церкви мировым Православием. А в 1953 году такой же решающий голос Русской Церкви содействовал признанию Болгарского Патриархата, который, как известно, в свое время прекратил свое существование из-за политики Турции. После 1953 года в течение 8 лет нужно было убеждать некоторые Православные Церкви, чтобы Болгарский Патриархат был признан всеми. И здесь я не могу не вспомнить имя своего учителя митрополита Никодима, человека хорошо известного в Болгарии, по крайней мере в то время, который очень много сделал для того, чтобы склонить Поместные Православные Церкви к безоговорочному

признанию Болгарского Патриархата.

Вот такие эпизоды были в нашей истории, и я думаю, что братские отношения между нашими Церквями выдержали испытание временем. Хотел бы отметить также то важное обстоятельство, что многие болгары получали образование в духовных заведениях Русской Церкви, а русские православные люди учились в Болгарии. У нас существует русское подворье в Софии и болгарское подворье в Москве. Всё это те самые скрепы, которые сохраняют добрые отношения между нашими Церквями и, надеюсь, влияют положительно на отношения между нашими народами.

— Считаете ли Вы, что современный информационный идол — Интернет — отнимает у человека духовность?

— Идолы вообще создают люди, причем в каждую эпоху — своих. Совсем недавно таким идолом было телевидение — может быть, и остается для многих людей. Люди перестают читать книги и даже газеты, и весь свой досуг проводят перед экраном телевизора, так что Интернет не является в этом отношении чем-то уникальным. А до телевидения огромную роль играли газеты, разного рода политические тексты — да и чего только не было! Попасть в рабство Интернету или нет — а идол есть то, что господствует над человеческим сознанием, — зависит от человека. Точно так же, как сделаться рабом алкоголя или нет, зависит от человека.

В каждую эпоху, в каждое время, в каждом народе люди сталкиваются с различными вызовами, и задача Церкви заключается в том, чтобы научить человека быть свободным. Свободным от внешнего давления, а оно может быть политическим, культурным, информационным. Может быть, главная миссия христианства в современном мире и заключается в том, чтобы оградить человека от рабства, — на фоне громогласных заявлений о свободе как главной человеческой ценности. Потому что политическая свобода не обеспечивает подлинной свободы духа. Можно быть политически свободным, но закабаленным модой, системой ложных ценностей и идеалов, которые усиленно насаждаются средствами массовой информации и массовой культурой. А человек, опирающийся на систему христианских ценностей, способен дать оценку всему, что происходит вокруг него, причем не следуя той или иной политической или информационной моде, а оставаясь свободным. Если Церковь справится с этой задачей, то мы поможем современному человеку остаться свободным, а значит, сохранить надежду на полноту жизни. Потому что материально богатый, но духовно несвободный человек не может быть счастливым.

— Мы слышали о проблемах с православными храмами на Украине и, предположительно, о гонениях на православных христиан. Есть ли в этих рассказах правда?

— Да, на Украине очень тяжелая ситуация, самые настоящие гонения обрушились на Украинскую Православную Церковь. Только за последнее время захвачено силой 50 храмов. Постоянно происходят нападения на храмы, избивают священников, мирян. Есть документальные кадры, как это происходит, — священник в облачении весь залит кровью, а его избивают и называют оккупантом, хотя он украинец, родившийся на Украине, говорящий по-украински. Избивают только потому, что он находится в канонической Украинской Православной Церкви, которую местные власти и националистические силы называют церковью-оккупантом. Чудовищная ситуация, но, к сожалению, не слышно, чтобы Украину серьезно критиковали за нарушение прав человека и религиозных свобод. И ведь здесь не просто нарушение прав — чудовищное нарушение, с употреблением насилия, причем все это зафиксировано на телевидении, в разного рода документах.

Украинская Православная Церковь сегодня является единственной на Украине миротворческой силой. Ведь украинское общество очень разделено, и то, что происходит на Донбассе, — это гражданская война, в силу того, что часть Украины не приняла того, что принято в другой части страны. Украинское общество оказалось очень поляризованным. Реальных миротворческих сил практически нет, и только Украинская Православная Церковь обладает миротворческим потенциалом. Почему? Потому что у нее паства и на востоке, и на западе, и в центре.

Недавно Украинская Церковь организовала грандиозный миротворческий крестный ход. Верующие с востока и верующие с запада, сотни тысяч людей, пошли в Киев, и это был крестный ход ради мира, ради примирения внутри украинского общества. И мы очень надеемся, что политические турбуленции пройдут и народ снова будет жить спокойно; будут уважаться человеческие права, в том числе религиозные свободы, а Украинская Православная Церковь будет и дальше продолжать свое служение. Есть такая надежда, и мы за это молимся.

— В Болгарии существует крайне отрицательное отношение к так называемой Стамбульской конвенции или, скорее, к той ее части, которая на практике объявляет бессмысленной биологическую сущность мужчины и женщины. Болгарская Православная Церковь выступает против этого документа. А у Русской Православной Церкви есть позиция по этому вопросу?

— Такая же, как и у Болгарской Православной Церкви. Документ, о котором Вы говорите, декларирует, что панацеей от бед, которые могут возникать внутри семьи, в том числе от насилия в отношении женщин, является вмешательство в семейную жизнь со стороны общественных организаций. Мы категорически против этого. Государство, конечно, не должно допускать насилия, но под видом борьбы с насилием нельзя вмешиваться в святая святых личной жизни

человека — семейные отношения. Кроме того, этот же документ предполагает соответствующее отношение к такому явлению, как однополые союзы, а Православная Церковь категорически их не приемлет.

Поэтому по вероучительным, богословским соображениям православным очень тяжело соглашаться с такого рода документами. Я приветствую то, что Россия не подписала и не ратифицировала этот документ, и с очень большим пониманием и симпатией отношусь к позиции Болгарской Православной Церкви, которая выступает против ратификации этого документа Болгарией.

— История помнит периоды кризисов в отношениях между Православными Церквями России и Болгарии. Как развиваются эти отношения в последние годы?

— Я хотел бы сказать, что кризиса в отношениях между Церквями никогда не было. Кризисные отношения бывали между государствами. Был период, когда не было дипломатических отношений, был период, когда во время военных действий Россия и Болгария были по разные стороны баррикад. Но Церкви всегда были вместе, — так было на протяжении всей истории. Я уже сказал о поддержке Русской Церковью болгарского Православия, когда оно не признавалось греческим Православием, когда была так называемая болгаро-греческая схизма. Я также упомянул активную позицию Русской Церкви по обеспечению автокефального статуса Болгарской Православной Церкви и Болгарского Патриархата. Поэтому темных, тяжелых страниц в наших межцерковных отношениях не было, и это очень важно. Потому что если в отношениях между Церквями нет темных страниц, значит, и в отношениях между народами их быть не может. Что же касается политики, то политический контекст часто меняется, и важно, чтобы братские народы, вне зависимости от этого, сохраняли добрые отношения и общую систему ценностей.

— Как Вы, Ваше Святейшество, относитесь к экуменизму?

— Экуменизм — это протестантское понятие, мы его употребляем лишь как технический термин. На самом деле речь идет о межхристианском сотрудничестве, а если говорить о богословском сотрудничестве, то оно сегодня очень и очень затруднено, — в первую очередь тем обстоятельством, что протестантские церкви всегда, на протяжении всей истории, шли в фарватере светской мысли. Вот и сегодня либеральные тенденции в протестантском богословии — это результат воздействия на протестантских богословов, на протестантские церкви светских концепций, в том числе прав и свобод человека, которые предполагают, в том числе, изменение отношения к полам, поддержку однополых союзов и так далее. Поэтому, к сожалению, в богословском плане у нас сейчас остановка, и я не вижу возможности реального движения вперед в ближайшие годы. Но не православные в этом виноваты. Мы постоянно говорим нашим

братьям-протестантам: нужно иметь больше свободы, больше духа и способности говорить «нет» сильному миру сего. Вот православные научились говорить «нет», потому что у нас была очень тяжелая история, в том числе в отношениях с властями. К сожалению, в протестантском мире мы сегодня видим капитуляцию основных христианских идей перед либеральными философскими подходами к человеческой личности.

Что же касается практического взаимодействия, то, при всех богословских разночтениях, у нас есть, я бы сказал, хороший опыт совместной работы по разным направлениям. В частности, сейчас налаживается серьезный диалог по взаимодействию Православных Церквей, Католической Церкви и протестантских церквей по оказанию гуманитарной помощи в Сирии. Думаю, факт сотрудничества православных с протестантами и католиками в гуманитарной сфере является очень положительным, и мы должны его развивать. Точно так же я думаю, что, поскольку пространство богословского диалога резко сузилось и мы потеряли перспективу достижения соглашений в области богословия, остаются другие области, например культурный диалог. Религии всегда играли важную роль в культуре, и вот сегодня культурный диалог через религиозные организации, через церкви мог бы содействовать установлению большего взаимопонимания между людьми. Так что я вижу, что сохраняется пространство для совместных действий в гуманитарной и культурной сферах.

— Часто Православие обвиняют в цезарепапизме, в том, что Церковь подчиняется власти. Каковы отношения Русской Православной Церкви с государством, где место Церкви в государстве?

— В дореволюционное время Православная Церковь в России была под властью государства; я уж не говорю о греческих Церквях, находившихся на территориях, контролируемых исламом, — там вообще трудно говорить хоть о какой-то свободе и независимости Церкви. Но и в Российской империи, согласно всем законам начиная с Петра I, фактически главой Церкви был император, и Церковь была включена в государственную систему. Она была частью этой системы и очень от этого пострадала, потому что была лишена возможности обращаться к обществу с посланием, касающимся не только личной морали, но и общественных или политических вопросов. От имени Церкви говорил император, а Церковь молчала. Многие проблемы, которые начали возникать еще в XVIII и особенно в XIX — начале XX веков и в конце концов привели к революционным событиям, сформировались в условиях этого вакуума. Церковь не имела возможности напрямую обращаться к людям, ее голос по самым важным злободневным вопросам общество не слышало. Это и есть результаты цезарепапизма.

Затем наступило тяжелое время гонений, когда уже ни о каком цезарепапизме речи не шло. Речь шла о выживании, и вы знаете, что сотни тысяч мучеников и исповедников погибли на территории

бывшего Советского Союза, но сохранили верность Православию и Церкви.

Что же касается нынешних условий, то Церковь в России отделена от государства. Государство никак не вмешивается в церковные дела, а Церковь не вмешивается в дела государственные. Никогда Патриарх не говорит с главой государства на тему назначения государственных деятелей, как никогда за все время моего патриаршества (а я знаю, что и за время патриаршества моего предшественника Святейшего Алексия) никто из государственных чиновников не обсуждал с Патриархом темы назначения епископов или других церковнослужителей. У нас полная автономия во всех внутренних вопросах. Но Церковь играет большую роль в обществе, и значительный процент людей отождествляет себя с Православием. Не такой большой процент по воскресеньям ходит в храм, хотя ходят. Согласно последней статистике 80% населения заявили, что знают, что такое Великий пост, и значительная часть сообщила, что будет поститься во время Великого поста. Сейчас постное меню вы можете найти и в государственных учреждениях, и в светских ресторанах, то есть люди стали очень активно воспринимать православные традиции и участвовать в них.

Ничего подобного цезарепапизму в современной России, конечно, нет. Мы очень дорожим возможностью принимать решения, которые не определяются никакой внешней силой, в том числе государством. Но, кроме того, нужно помнить, что Московский Патриархат — это Церковь не только Российской Федерации, но и Украины, Белоруссии, Казахстана, и вообще мы присутствуем в 60 странах мира. Ни о каком цезарепапизме речи быть не может, потому что цезарепапизм в одном государстве может очень не устраивать другое государство. Поэтому мы считаем, что Церковь должна быть независима от государства, то есть оставаться свободной в принятии решений, которые касаются ее внутренней жизни.

— У нас все больше и больше трудностей наблюдается в процессе приобщения молодых людей к Церкви, а также в деле христианского воспитания. Есть ли подобные сложности в России, и как Вы справляетесь со светской ориентацией общества?

— Проблема молодежи существует. Все-таки большинство молодых людей не посещает храмы, — это очевидно. Но количество активной молодежи в Церкви растет. Мы считаем, что работа с молодежью сегодня является приоритетом для Русской Православной Церкви, и предприняли конкретные шаги, которые помогают нам усилить работу среди молодежи. Так, мы провели в России реформу приходской жизни. Мы настаиваем на том, чтобы в приходах — на каждом приходе или по крайней мере тех, где есть материальные возможности, были, помимо священника, диакона и церковнослужителей, люди, ответственные за молодежную, социальную, миссионерскую работу. И мы не просто провозгласили принцип, что в каждом приходе должны быть активисты, — мы создали систему их подготовки. В наших высших учебных заведениях

появились факультеты и курсы, на которых мы готовим таких специалистов. Не каждый человек может пойти учиться специально по этой профессии, люди чаще всего совмещают приходскую работу с какой-то другой, но, тем не менее, они нуждаются в получении образования. Поэтому мы создаем также краткосрочные курсы обучения и повышения квалификации мирян, которые работают в социальной, молодежной, образовательной сферах. Какие-то успехи у нас уже есть — еще очень небольшие, но все-таки могу назвать несколько цифр. Так, молодежный актив города Москвы, то есть молодые люди, которые активно участвуют в церковной жизни, — это более 8 тысяч человек. Но вокруг этих восьми тысяч еще большая группа молодежи, поэтому мы говорим о десятках тысяч молодых людей, которые принимают активное участие в церковной жизни города Москва.

Но это, опять-таки, меньшинство в отношении к общему количеству молодежи. Главная проблема заключается в том, что общее развитие современной цивилизации не предполагает в ней места для Бога. Речь идет о безбожной, внерелигиозной цивилизации, которая, кстати, сама себя наполняет различными ценностями. Чаще всего это бывают ценности ложные, идола, как Вы сказали. Эти идола очень привлекательны для молодежи, — привлекательнее, чем для людей зрелых, у которых уже выработался жизненный опыт, так что они могут отличить одно от другого, хорошее от плохого. Молодые люди очень часто отдают дань моде и начинают поклоняться идолам.

Конечно, работа с молодежью сегодня непростая, но я глубоко убежден в том, что это самый важный приоритет в церковной деятельности. Мы должны научиться работать с молодежью, в том числе через Интернет, через социальные сети. У нас многие священники занимаются проповедью в Интернете и соцсетях, — иногда очень успешно, иногда, на мой взгляд, не совсем правильно. Не люблю, когда священники стараются говорить на языке молодежи, употребляя сленг. Не надо мимикрировать под молодежь, — нужно просто нести молодым те идеи, которые будут для них привлекательны, научиться говорить понятным для них языком. Вот в этом задача священника и задача Церкви.

Пресс-служба Патриарха Московского и всея Руси/

Служба коммуникации ОВЦС